

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1; 821.1/.2
DOI 10.17223/18137083/68/5

В. В. Мароши

Новосибирский государственный педагогический университет

Люди огня: к символике цыганского мифа в русской и европейской литературе XIX века

Статья посвящена выявлению лейтмотивов огня, костра и тропеики, связанной с ними, в цыганском мифе в русской и европейской литературе XIX в. Особое внимание уделено этой символике в предромантической и романтической лирике и русской реалистической прозе. Изображению цыганского табора и цыганки сопутствует предметный образ костра или зажженной сигары, который поддерживает метафоры огня. Символика собирается вокруг образа цыганки, ее эмоций, пения, пляски и опасных, но притягательных страстей героев, обращенных на нее. В пейзаже вокруг цыганки создается контраст света и тьмы, пламени и ночи, что подчеркивает ее медиативную и трансгрессивную роль. В лирическом и эпическом портрете цыганки источником огня становятся ее взгляд и глаза.

Ключевые слова: цыгане, русская литература, европейская литература, миф, символика, огонь, страсть.

Начало исследованию литературного мифа о цыганах в отечественном литературоведении, как известно, положила фундаментальная статья Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц [1964], однако затем тема отпочковалась в пушкинистику [Мурьянов, 1999], блоковедение [Приходько, 1994], цветаеведение [Голицына, 1986; Степанов, 2007] и др. В большинстве названных работ констатируется наличие общего русского исходного текста («Цыганы» Пушкина) или европейского («Кармен» П. Мериме), однако общее смысловое поле мифа не столько собирается, сколько рассеивается в анализе индивидуально-авторских контекстов. Стоит посоветовать на то, что, несмотря на очевидное взаимопроникновение русской и цыганской культур, прежде всего в сферах музыки и фольклора, в отечественной филологии обширный литературный слой подобного взаимодействия не удостоился каких-либо системных исследований, кроме диссертации И. Ю. Махотиной «Цыгане и русская культура...», посвященной, помимо литературы, и широкой культурологической проблематике. Цыганская тема в русской литературе

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; maroshi@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© В. В. Мароши, 2019

представлена в одном из ее разделов, тем не менее главный тезис литературной части диссертации неоспорим: «Образ цыганки как экзотической возлюбленной является самым популярным воплощением цыганской темы в русской литературе XIX–XX вв. [Махотина, 2012, с. 3].

Основополагающую роль в становлении намного более обширной европейской литературной цыганологии сыграла статья Ф. Балденспержа [Baldensperger, 1938], но только с начала издания «Etudes Tsiganes» тема получила продолжение [Rouart, 1982], а затем, в 1990–2000-х гг., стала модной в европейской филологии на материале разных литератур: испанской [Leblon, 1997], английской [Garrett, 2000; Wilder, 2004; Nora, 2008; Houghton-Walker, 2014], французской [Fucikova, 2006]. Общеевропейский «цыганский текст» рассматривается в монографии [Courthiade, Djuric, 2004], а различные аспекты социального и культурного мифа – в коллективном сборнике под редакцией S. Moussa [2008].

Взаимное наложение или субституция мифов в европейской литературе и различные варианты трактовки самой мифопоэтики позволяют выбирать между разными направлениями анализа цыганского мифа как «пучка» или «гнезда» мифов. Например, на цыганский субстрат накладывается мифологический сюжет о Вечном Жиде, представления о демоническом архетипе, роковой женщине, особых способностях к предсказанию будущего и т. п. Сам цыганский миф в русской литературе, в свою очередь, может полностью заместить собой «венгерский», как это показал польский славист В. Щукин [1999]. Мы тоже не претендуем на систематизацию всего смыслового объема цыганского мифа, ограничившись выявлением лишь одного символического компонента, связанного с разрушительной и очистительной стихией огня. Мотивы и тропы, связанные с ним, символизируют чрезмерную и несущую смерть страсть, экстатическое вдохновение, аффективное состояние.

К сожалению, в современном российском обществе наиболее распространен негативный миф об особой степени маргинальности и криминальности цыганского этноса, имеющий очень давние европейские исторические корни. Это представления об опасном Чужом. Они репрезентированы не только в официальных европейских документах, касающихся цыган, но отчасти и в литературе, особенно той, которая генетически связана с фольклором, например ранняя проза Гоголя. Но это распространялось и на высокую словесность: так, девочка, похищенная цыганами (Пресьоса, Миньона, Эсмеральда и др.) – заметный персонаж европейской литературы.

В русской дворянской культуре Нового времени, напротив, с начала XIX в. сложились не менее мифологические позитивные представления о своем Другом – особой степени свободы, смелости, независимости, личностной экспрессии, профетизме, музыкальности, свойственных прежде всего женской части цыганского этноса; чертах, отметим, которые представляют скорее классическую маскулинность. Этот миф стал по сути самопроекцией русской культуры как своего Другого, в становлении и сохранении идентичности которой важную роль сыграла экспрессивная, экстатическая составляющая. Европейский миф о «Noble savage», благородном дикаре, в русской культуре распространяется в основном на поющих и танцующих цыганок. «Благородство», противоречащее «криминальности», «бедности», «безвкусию» цыганки, рождается в момент совместного эстетического переживания исполнительницы и ее восхищенной аудитории, когда они входят в некое сакральное пространство экстаза. Французский поэт Т. Готье в воспоминаниях о выступлении цыган в Ярославле называет это «преображением» («transfiguration», слово с религиозными коннотациями): «Elle ne voyait ni la salle ni les assistants. Une transfiguration s'était opérée en elle. Ses traits ennobles ne portaient plus aucune trace de vulgarité. Sa taille était agrandie et sa pauvre toilette s'arrangeait comme une draperie antique» («Она уже не видела ни зала, ни присутст-

вующих. Она вся преобразилась. На ее благородных чертах уже не было ни малейшего следа вульгарности. Она как бы выросла, а ее бедная одежда сидела на ней, как античная драпировка»¹) [Gautier, 1912, p. 388].

Нельзя не заметить, что аффективное состояние, в котором оказывались все участники публичных выступлений первых российских цыганских хоров в конце XVIII в., стало основанием для лирической репрезентации цыганского мифа. Его первоисточники появляются как попытки мифопоэтического (стихия огня) и учено-мифологического (вакханалия) осмысления этого живого и поразительного феномена.

Мотивика, которая легла в основание цыганского мифа в русской литературе, восходит к контексту создания и отчасти к самому тексту «Песни для цыганской пляски» (1790-е гг.) Н. А. Львова: «Потерялся следок // На лужок, // Не дождался цыганку Дружок. // Чок, чок и проч.» [Львов, 1994, с. 60]. Нельзя не заметить, аффективное состояние, в котором оказывались все участники публичных выступлений первых цыганских хоров в конце XVIII в.

«Песня для цыганской пляски» содержала подзаголовок: «на голос “Вдоль по улице молодец идет...”», который, в свою очередь, отсылал к «Собранию русских песен с их голосами» Львова и Прача (1790), где песня «Ай по улице молодец идет...» значилась под номером 28 среди «плясовых». Львов написал новый текст на мелодию русской народной песни «Ай по улице молодец идет» для ее исполнения цыганским хором, которые в конце XVIII в. становились все более популярными в русской дворянской среде. В обеих песнях общей стала семантика метафоры и мотива огня: «Ай по улице молодец идет, вдоль по широкой удалинкой, // **Ай жги ай жги**², говори, вдоль по широкой удалинкой...» [Львов, 1955, с. 183] (ср. «Я возьму **уголек** // В плетешок // И пойду на лужок // Поперек <...> Вдруг махнул ветерок // В **уголек**, // **Огонек** // **Мой зажег** // Плетешок» [Львов, 1994, с. 60]).

Через полвека эта русская по своему происхождению песня воспринималась уже как «цыганская» и исполнялась в соответствующей манере, напомним контекст из рассказа «Чертопханов и Недопускин» (1852) И. С. Тургенева, где манера пения цыганки Маши, любовницы Чертопханова, метафорически коррелирует с содержанием песни: «...сбросила шаль с плеч долой... и запела цыганскую песню... Любо и жутко становилось на сердце. “**«Ай жги, говори!..»**» [Тургенев, 1979, с. 291]; «...Машу всю поводило, **как бересту на огне**; тонкие пальцы резво бегали по гитаре, смуглое горло медленно приподнималось под двойным янтарным ожерельем»; «...заливалась она как **безумная**...» [Там же]; «Голос уходил да уходил; то замирал, то набегал чуть слышной, но все еще **жгучей** струйкой» [Там же, с. 297]. Эту стадию формирования мотивики можно назвать фольклорной, когда собственно русский фольклорный репертуар осваивается цыганами или заново сочиняется для них как «цыганский» поэтами-любителями.

В виде собственно поэтического текста более значимый массив осознанно мифологических мотивов зарождается в 1805 г. в обмене стихотворными посланиями между поэтами И. И. Дмитриевым и Г. Р. Державиным. Сначала последний упрекнул друга в лени, а первый в послании «К Г. Р. Державину» посетовал на то, что писать ему мешают цыгане, жившие возле Марьиной рощи, на месте бывшего кладбища. Так возникла изначально скорее ироническая формула будущего вакхического мифа:

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных **сатиров** и **вакховых жриц**,

¹ Здесь и далее перевод наш. – В. М.

² Здесь и далее жирным шрифтом выделено нами. – В. М.

Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц.
Гул их *эвое* несется вдоль рощи,
Гонит пернатых скрываться в кустах;
Даже далече наводит средь ночи
На путника страх.
[Дмитриев, 1967, с. 117].

В примечаниях к публикации автор объяснял читателям: «Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во всё лето промышляют в Марьиной роще песнями и пляскою»; «Эвое, или эван, был употребительный припев вакханок при Управлении их оргий. Это примечание для детей, не знающих еще мифологии» [Там же]. В первом варианте авторский комментарий был более пространным: «Для тех, которые не жилали в Москве, можно прибавить, что в этой роще было кладбище для иностранных; теперь же надгробные камни служат для гуляющих вместо столов и стульев» [Там же, с. 427]. Итак, Дмитриев первым сравнил цыган с сатирами, а цыганок – с вакханками, превратив их в служителей Вакха / Диониса. Дмитриев хотел посвятить русского читателя в мифологический пратекст.

Вакхический межавторский текст в русской поэзии как раз находился на стадии становления. Начавшись с ироикомиической поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1769), он укрепился в «Песне Вакху» (1793) А. Н. М. Карамзина, «Оде XXVII. К Вакху» (1794) Н. А. Львова и особенно развернуто – в «Песне Вакху, взятой из Афинских пиршеств» (1805) П. Беницкого. Г. Р. Державин, очевидно, заинтересовался Вакхом под влиянием Н. А. Львова и в рамках своего поэтического освоения анакреонтики, он появится в его стихотворениях «Венец бессмертия (1793) и «Афинеяскому витязю» (1796). Вдохновившись стихами друга, но не его раздражением по отношению к нежеланным соседям, Г. Р. Державин создает настоящий гимн цыганской пляске, только что открытой русской культурой: «Возьми Египтянка, гитару, // Ударь по струнам, восклицай. // Исполнясь сладострастна **жару**, // Твоей всех пляской восхищай. // **Жги** души, **огнь** бросай в сердца // От смуглого лица» [Державин, 1957, с. 306–307].

В отличие от Дмитриева, у которого сатиры и вакханки соответствуют цыганам и цыганкам, всё его внимание сфокусировано исключительно на цыганке-вакханке. Поэт, безусловно, помнит о «русско-цыганских» песнях, которые собрал и написал его друг, Н. А. Львов, и поэтому соединяет их метафорику («жги...», «зажег огонек») с вакхической версией Дмитриева: «**Неистово**, роскошно чувство, // Нерв трепет, мление любви, // Волшебное зараз искусство // **Вакханок древних оживи**. // **Жги** души, **огнь** бросай в сердца // От смуглого лица» [Там же, с. 306].

Время и место лирической ситуации (ночь и кладбище) из стихотворения Дмитриева становятся начальной эффектной метафорой и подмостками для первой в русской поэзии цыганской «дионисийской» оргии у Державина:

Как ночь – с ланит сверкай зарями,
Как вихорь – прах плащом сметай,
Как птица – подлетаи крылами,
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледных луны,
Топоча по доскам гробовым,

Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица
[Державин, 1957, с. 306].

Насмотревшись и наслушавшись цыган и явно помня Державина («египтянка» / «египетские девы»), Пушкин в дружеском послании «Всеволожскому» (1819) смело заменяет банальную идиллию экстатическим пространством цыганской песни и пляски: «А там египетские девы // Летают, вьются пред тобой; // Я слышу **звонкие напевы**, // Стон неги, вопли, **дикий** вой; // Их **исступленные** движенья, // **Огонь неистовых** очей // И все, мой друг, в душе твоей // Рождаёт трепет **упоенья**...» [Пушкин, 1959, т. 1, с. 88].

В это время «вакхические» мотивы часто использовались поэтами пушкинского круга (К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский) и самим поэтом. Отметим, что собственно аллюзии на «вакхизм» в тексте нет, но за год до этого, в 1818 г., было написано «Торжество Вакха», гимн вакханалии, с весьма похожим описанием вакханок: «**Поют неистовые девы**; // Их **сладолюбивые** напевы // В сердца вливают жар любви; // Их перси дышат вожделеньем; // Их очи, полные безумством и томленьем, // Сказали: счастье лови!» [Там же, с. 51–52].

Очевидно, что оргийное «сладолюбие», «буйство», «безумие» пока что свойственно не цыганам, а кругу почитателей их пения и танца или классическим жрицам-вакханкам. Но, остыв к собственно дионисийским мотивам после аполлинического обрамления «Вакхической песни» 1825 г., Пушкин в 8-й главе «Онегина» разведет свою Музу-«вакханку» («И как **вакханочка** резвилась, // За чашей пела для гостей» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 156]) и цыганский локус, наделив последний чертами «печали», «смирения», «скудости», «дикости»: «В глуши Молдавии **печальной** // Она **смиренные** шатры // Племен бродящих посещала, // И между ими **одичала**, // И позабыла речь богов // Для **скудных**, странных языков, // Для песен степи, ей любезной...» [Там же, с. 157].

Муза его романтической поэмы будет уже связана с преодолением влияния Байрона и сменой едва намечившегося вакхического цыганского мифа на руссоистско-романтический. Тем не менее «закон» «произвола страстей», мотивы «дикости» и безумия Алеко стали одной из движущих сил сюжета «Цыган». Сама поэма, став более актуальным «прецедентным текстом» и включив в себя часть «вакхических» мотивов, сдвинула устаревшую «Цыганскую пляску» Державина на обочину поэтических влияний.

Однако к 1820-м гг. заданное Державиным восприятие цыганской пляски и пения станет уже общим местом лирического «репортажа», посвященного цыганскому исполнительскому мастерству. Так, обозреватель «Северной Пчелы» описывает московского хоревода И. С. Соколова: «...Хоревод, знаменитый Илья – весь пламя, молния, а не человек. Он запекает, аккомпанирует на гитаре, бьет в такт ногами, приплясывает, дрожит, воспаляет, жжет словами и припевами. В нем демон...» (цит. по: [Щербакова, 1984, с. 11]). «Цыганский» песенный фрагмент, тем более из самих «Цыган», воспринимается критикой в романтическом регистре: «...в исполненной дикого огня, дикой страсти и дикой поэзии песне Земфиры припоминает старого друга...» [Белинский, 1955, с. 397].

В 1828 г., находясь, по-видимому, под впечатлением только что вышедшей полной версии «Цыган» Пушкина, С. П. Шевырев создает свой «цыганский цикл» («Цыганка», «Цыганская песня», «Цыганская пляска»), в котором сплетаются различные мотивы формирующегося цыганского мифа – от счастливой бедности («Цыганская песня») до вакхических. Последнее из обозначенных выше стихотворений обнаруживает влияние как романтической поэмы Пушкина («песня вольности», «песня любви»), так и изображения вакхической пляски у Державина (пляшущая «египтянка» / «вакханка»):

Видал ли ты, как **пляшет египтянка?**
Как вихрь, она столбом взвивает прах,
Бежит, поет, как дикая **вакханка**,
Ее волосы – как змеи на плечах...

Как песня **вольности**, она прекрасна,
Как песнь **любви**, она души полна,
Как поцелуй горячий – **сладострастна**,
Как буйный хмель – **неистова** она
[Шевырев, 1939, с. 55].

В «Цыганке», изображающей потерявшую супруга цыганку, складываются клише будущего цыганского сюжета и поэтического топоса «цыганского романа»: потеря возлюбленного или мужа; «роковые страсти» родом из пушкинских «Цыган», «пламенная любовь», песня, тоска, страдание, слезы, «черные глаза»: «Как ты, египтянка, прекрасна! // Как полон чувства голос твой! // Признайся: **страсти роковой** // Служила ты, была несчастна? // Зачем на **чёрные глаза** // Нашла блестящая слеза?» [Там же, с. 57–58].

В «Цыганке» (1833) А. И. Полежаева, вообще равнодушного к вакхическим мотивам («Сашка» (1825), «Узник» 1828)), мифологическая «вакханка» все еще рифмуется с «цыганка», но образ последней уже построен на сочетании романтических («дочь свободы», «поэтической мечты») и вакхическо-эротических («вакханка», «бесстыдной», «наслажденью») мотивов: «Льются сладостные речи // У **бесстыдной** с языка. // Узнаю тебя, **вакханка** // Незабвенной старины: // Ты коварная цыганка, // Дочь свободы и весны!» [Полежаев, 1833, с. 75].

Итак, к началу 1830-х гг. в стихах, посвященных описанию табора или чувств к цыганке, аллюзии к вакхическим мотивам и самому мифу перестают использоваться, а сам он, по нашему мнению, включается в более широкий романтический мотивный и тропеический комплекс. Наиболее характерной для цыганки становится метафора огненной страсти, а в ее лирическом портрете – «пламенных» или «полуденных» «очей»: «В глазах **полуденных** веселье **загорит**, // И все в них **пламенно** и **ясно выражает**, // Что чувство сильное их души шевелит» [Ростопчина, 1987, с. 24]; «Но тот блаженной, **дева ночи**, // Кто в упоении любви // Глядит на **огненные** очи» [Языков, 1858, с. 34]; «Ты прямо в очи мне глядела, // **Очами**, полными **огня**» [Там же, с. 21]. В русской поэзии миф сохранится вплоть до конца века: «И **страсти пламень** беспокойный, // Порою брызжет из очей» [Апухтин, 1991, с. 182]; «А что ж играет // **Яркий угольный зрачок?** // **Солнцем**, **золотом** сияет, // Но **бесстрастен** и далек» [Бунин, 1987, с. 47].

К началу второй половины XIX в. этот мотивный комплекс освоила и русская «реалистическая» проза: «реализм» в изображении молодых цыганок означал использование тех романтических клише, которые ожидалось читателями. Поэтому Маша в «Чертопханове и Недопюскине» Тургенева и Груша в «Очарованном страннике» (1873) Лескова – это как бы персонажи-«близнецы»: «...все черты ее лица выражали **своенравную** **страсть** и **беззаботную** **удаль**... Взор ее так и мелькал, словно **змеиное жало**» [Тургенев, 1979, с. 289]; «Лицо у ней побледнело, ноздри расширились, **взор запылал** и **потемнел** в одно и то же время. Дикарка разыгралась» [Там же, с. 89]. (Ср. у Лескова: «...и промежду всей этой публики цыганка ходит этакая... даже нельзя ее описать как женщину, а точно будто как **яркая змея**, на хвосте движет и вся станом гнется, а из **черных** **глаз** так и **жжет огнем**. Любопытная фигура!» [Лесков, 1989, с. 296]; «И та выходит и... враг ее знает, что она умела глазами делать: **взглянула**, **как сразу** **какую** **в очи** пустила» [Там же, с. 298]; «Она меня опять поневоле поцеловала, **как ужалила**, и в глазах **точно** **пламя** **темное**, а те, другие, в этот лукавый час напоследях как

заорут...» [Там же, с. 299]; «...а только **одни глаза среди темного лица как в ночи у волка горят** и еще будто против прежнего вдвое больше стали...» [Там же, с. 317]; «От **страстного** человека ведь все это легко может статься; а она ему помеха была, чтобы жениться, потому что ведь Евгенья Семеновна правду говорила: Груша любила его, злодея, всею **страстной своею любовью цыганскою**, каторжной, и ей было то не снести и не покориться, как Евгенья Семеновна сделала, русская христианка, которая жизнь свою перед ним как **лампаду истеплила**. В этой цыганское **пламище-то**, я думаю, **дымным костром вспыхнуло**, как он ей насчет свадьбы сказал, и она тут небось неведомо что зачертила, вот он ее и покончил» [Там же, с. 315–316].)

Непрерывным элементом кочевого быта цыган был постоянно горящий или тлеющий костер. Однако лишь со времени появления пушкинской поэмы «Цыганы» он стал важной деталью литературного описания табора. Обычно полагают, что поэт непосредственно соприкоснулся с жизнью цыган во время южной ссылки. Сейчас эта версия кажется сомнительной, но зато легендарные сведения о пребывании Пушкина в цыганском таборе уравниваются точными свидетельствами о внимательном чтении им книги Грелльманна из личной библиотеки Воронцова [Проскурин, 2013], которая содержала наиболее достоверные на то время сведения по истории и этнографии цыган. Именно оттуда, даже при отсутствии какого-либо контакта *de visu* с таборной жизнью, Пушкин мог почерпнуть сообщения о значимости костра для их быта (см. [Grellmann, 1810, p. 55, 88, 95]).

Так, в поэме «Цыганы» и одноименном стихотворении (1831) находим: «Горит **огонь**; семья кругом // Готовит ужин...» [Пушкин, 1960, т. 3, с. 159]; «В шатре одном старик не спит; // Он перед **углями** сидит, // Согретый их последним жаром» [Там же, с. 160]; «Ее, бывало, в зимнюю ночь // Моя певала Мариула, // Перед **огнем** качая дочь» [Там же, с. 169]; «В пустынях часто я бродил, // Простую пищу их делил // И засыпал пред их **огнями**» [Там же, с. 179]; «...в телеге темной // Огня никто не разложил» [Там же, с. 178]; «Над лесистыми брегами, // В час вечерней тишины, // Шум и песни под шатрами, // И **огни** разложены... “Здравствуй, счастливое племя! // Узнаю твои **костры**”» [Пушкин, 1959, т. 2, с. 333]. Кроме того: «И в степи сухой, однообразной // Полюбил я табор кочевой. <...> Ночь. **Костры** пылают прихотливо; // Осветились резкие черты» [Пальм, 1957, с. 109]; «Цыгане табор свой разбили, // Кибитки вокруг постановили // И разложили **огоньки**» [Никитин, 1965, с. 52]. Эти вполне правдоподобные для кочевой жизни костры и огни уже у Полонского в «Песне цыганки» (1853) превращаются в явно романтический символ страстной любви: «Мой **костер** в тумане светит // Искры гаснут на лету...» [Полонский, 1896, с. 205]. Метафоры цыганской страстной любви (пламень и огонь чувств, выражающий себя во взгляде, пении, танце, жестах цыганки) накладываются на репрезентацию реалистических деталей кочевого быта, взаимно поддерживая друг друга. Словесная репрезентация «цыганского» переходит в семиотизацию.

Последней яркой точкой в раскрытии «цыганского огня» в XIX в. в русской литературе стал рассказ «Макар Чудра» (1892) М. Горького, вошедший в его нашумевший сборник «Очерки и рассказы». Оба его нарратора располагаются у **костра**, который «вещественно» символизирует страсти героев рассказа, вдобавок рассказчик постоянно **курит** трубку: «Изредка его **порывы** приносили с собой сморщенные, желтые листья и бросали их в **костер, раздувая пламя**; ...прямо против меня – фигуру Макара Чудры, старого цыгана» [Горький, 1968, с. 14]; «...методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма» [Горький, 1968, с. 14]. Да и в самом рассказе цыгана, поскольку он посвящен таборным страстям, место костру находится: «Остановился у **костра**, перестал играть, улыбаясь, смотрит на нас...» [Там же, с. 18].

В первой трети XX в. к цыганскому мифу в неоромантическом ключе обратятся И. Бунин, А. Блок, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.

В европейской литературе до второй половины XIX в. не было того эстетического восторга по отношению к цыганкам, который был свойственен русской элитарной аудитории и способствовал обращению поэзии к вакхическим мотивам. Любопытно, что, попав в Россию зимой 1858–1859 гг. и послушав пение цыган, Т. Готье проникся не только настроением публики, но и как бы мотивами русской лирики: «...sentez une mortelle envie de disparaître à jamais de la civilisation et d'aller courir les bois en compagnie d'une de ces sorcières au teint **couleur de cigare, aux yeux de charbon allumé**» («...вы чувствуете смертельное желание навсегда исчезнуть из цивилизации и бежать в леса в обществе одной из этих волшебниц, смуглой, как сигара, и с глазами, как **зажженный уголь**») [Gautier, 1912, p. 319].

Однако следует напомнить, что уже в исторической драме И. В. Гёте «Гец фон Берлихинген», написанной значительно раньше (1773 г., русский перевод в 1828 г.), сцены недолгого пребывания Геца в цыганском таборе вводятся ремаркой «Nacht, im wilden Wald. Zigeunerlager. Zigeunermutter am Feuer» («Ночь, в глухом лесу. Цыганский табор. Старая цыганка у огня») [Goethes, 2005, S. 165]. Стихия огня в разных образных вариациях постоянно упоминается в репликах персонажей: «Hol mir dürr Holz, daß das Feuer loh brennt...» («Неси сухие дрова, чтоб огонь пылал...») [Ibid.]; «Dort seh ich Feuer, sind Zigeuner» («Я вижу огонь. Это – цыгане») [Ibid., S. 166]. Более широким фоном сцене служит отсвет от пожара горящих мятежных деревень: «Brennen zwei Dörfer lichterloh... Ist das dort drunten Brand, der Schein? <...> Man ist die Feuerzeichen am Himmel zeither so gewohnt worden» («Так этот отсвет от пожара? <...> К огненным знакам в небе люди теперь привыкли») [Ibid., S. 165]. Уже у Гёте пейзаж не только соответствует репрезентации цыганского быта и традиций (всегда поддерживать огонь), но и служит символическим фоном для героя (дикий лес, ночь, костер, пожар, «дикие» и подозрительные люди, к которым он, раненый, попадает в поисках помощи). Медиативная роль цыган как спасителей остается лишь отчасти реализованной: цыгане не выдерживают боя, герой попадает в плен.

Отношение стало меняться после выхода в свет исторических романов «Гай Мэннеринг» В. Скотта (1815), «Собор Парижской Богоматери» (1831) В. Гюго и особенно после повести «Кармен» (1845) П. Мериме. Примечательно, что цыганка впервые появляется в «медиативных» жанрах прозы, связывающих настоящее и прошлое, Францию с экзотической Испанией.

После романа В. Скотта изображению встречи героя с табором или цыганкой в европейской литературе почти всегда будет сопутствовать ночь, свет или пламя костра или очага, спасительная помощь цыган / цыганки или опасный соблазн, исходящий от нее, как в «Кармен». Развязка сюжета романа Скотта (поимка убийцы и смертельное ранение цыганки-пророчицы Мэг Мэриллес) тоже произойдет в пещере при свете костра. Цыганка Скотта не изображена красавицей, но она резко выделяется в своей и чуждой ей среде, наделена провидческим даром и играет роль «волшебного помощника» для главного героя.

Красавица-цыганка Кармен или лжецыганка по происхождению Эсмеральда надолго стали литературными архетипами экзотики, соблазна, колдовства, исходящих от цыганки, медиаторами встречи с неизвестным Другим в женском облики. Нельзя не заметить, что Гренгуар впервые видит Эсмеральду возле «королевского костра»: «En examinant de plus près, il s'aperçut que le cercle était beaucoup plus grand qu'il ne fallait pour se chauffer au feu du roi, et que cette affluence de spectateurs n'était pas uniquement attirée par la beauté du cent de bourrées qui brûlait» («Но, взглядевшись, он заметил, что круг был значительно шире, чем нужно для того, чтобы греться возле королевского костра, и что этот наплыв зрителей объяснялся не только видом ста роскошно пылавших вязанок хвороста») [Hugo,

1904, p. 48]. В это пространство между светом костра и толпой помещается танцующая Эсмеральда: «Dans un vaste espace laissé libre entre la foule et le feu, une jeune fille dansait» («На просторном, свободном пространстве между костром и толпой плясала девушка») [Ibid.]. На подобном же фоне «костра в ночи» происходит и чудесное спасение Гренгуара Эсмеральдой во Дворе Чудес.

Пьеру Гренгуару танцующая цыганка Эсмеральда кажется мифологическим существом: «En vérité, pensa Gringoire, c'est une salamandre, c'est une nymphe, c'est une déesse, c'est une **bacchante du mont Ménaléen!**» («В самом деле, – думал Гренгуар, – это саламандра, это нимфа, это богиня, это вакханка с горы Менад!») [Ibid., p. 49]. Очевидно, что этот ряд гипербол уникален для европейской литературы.

Так сложился в драме, романе и лирике устойчивый ракурс изображения цыган. Например, в «Цыганах» В. Вордсворта («Gipsies», 1807 г.) создан их нелюбимый портрет как сборища бедных и тупых людей, и лишь пламя костра отчасти преобразует их лица: «Only their fire seems bolder, yielding light, // Now deep and red, the colouring of night // That on their Gypsy-faces falls» («Только их костер кажется смелее, бросая отсвет, глубокий и красный, цвет ночи, на их цыганские лица») [Wordsworth, 1849, p. 148]. Н. В. Яковлевым [1923] уже высказывалось предположение, что подзаголовок «с английского» в стихотворении А. С. Пушкина «Цыганы» (1830) объясняется знакомством поэта со сборником «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», в частности именно с этим стихотворением. В английской поэзии групповой портрет цыган вокруг костра сменяется изображением цыганки-гадалки, как в стихотворении Дж. Клэра «The Gypsies Evening Blaze» («Вечерний костер цыган», 1820): «And now the swarthy sybil kneels reclined, // With progging stick she still renews the blaze, // Forcing bright sparks to twinkle from the flaze» («И теперь смуглая сибилла стоит на коленях, откинувшись назад, ворованной палкой она все еще ворошит пламя костра, который разбрасывает вокруг яркие искры») [Clare, 2007, p. 14].

Заменой костра может стать угощение цыганки папиросой («papelitos») и совместное курение с ней рассказчика, как это происходит у П. Мериме: «Elle daigna en prendre un, et l'**alluma** à un bout de corde **enflammé** qu'un enfant nous apporta moyennant un sou» («Она соизволила взять одну папиросу и зажгла ее от кончика фитиля, который за один су поднес нам мальчик») [Mérimee, 1845, p. 15]. Вдобавок она работает на **сигарной** фабрике и носит туфли с огненными лентами: «...et des souliers mignons de maroquin rouge attachés avec des rubans **couleur de feu**» («...на ногах хорошенькие сафьяновые туфельки с огненными лентами вокруг щиколотки») [Ibid., p. 22]. Рассказчика и Дона Хосе объединяет не только интерес к Кармен, но и любовь к сигарам.

Особенно часто мотив «цыганского костра» будет использоваться во французской литературе: например, в драме «Кровавая монахиня» (1835), сочиненной Anicet Bourgeois и Julien de Mallian, либретто оперы «Зингаро» (1840) М. Pirotot и т. д. вплоть до популярных романов Понсона дю Террайя («Последнее слово о Рокамболе» (1867), см. «Миллионы цыганки»).

В свою очередь, влияние изображения глаз Кармен у П. Мериме («Eil de bohémien, œil de loup...» – «цыганский глаз, глаз волка» [Ibid., p. 17]; «très grands yeux» – «огромные глаза» [Ibid., p. 21]; «son grand œil noir» [Ibid., p. 84]) привело к активизации их как детали и метафоры во французской поэзии: мы обнаруживаем ее в «Путешествующих цыганах» Ш. Бодлера (1857) («La tribu prophétique aux prunelles **ardentes**» – «Племя провидцев с **горящими** зрачками») [Baudelaire, 1982, p. 199]) и в «Кармен» (1861) Т. Готье («Et de ses yeux la **lueur chaude** // Rend la **flamme** aux satiétés» – «**Горячее сияние** ее глаз возвращает **пламя** пресыщенности» [Готье, 1989, p. 150]).

Таким образом, несмотря на отсутствие «вакхических» мотивов, символика цыган и цыганского быта в европейской литературе XVIII–XIX вв. близка соответствующей образности в отечественной словесности. Индивидуальные поэтики отступают здесь на второй план по отношению к становлению межавторского поэтического топоса, обусловленного, в свою очередь, доминированием мифопоэтической основы в эстетическом восприятии и репрезентации цыган.

Список литературы

- Апухтин А. Н.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1991. 448 с.
- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии 1843 года. Сочинения Александра Пушкина. Статьи I–XI. 739 с.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1: Стихотворения, 1888–1952. Переводы. 687 с.
- Голицына В. Н.* Цыганская тема в творчестве М. Цветаевой и некоторые вопросы пушкинской традиции // Проблемы современного пушкиноведения. Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ, 1986. С. 90–99.
- Горький М.* Полн. собр. соч.: В 25 т. М.: Наука, 1968. Т. 1: Рассказы, очерки, наброски, стихи (1885–1894). 595 с.
- Готье Т.* Эмали и камеи: Сборник. М.: Радуга, 1989. 368 с. (на фр. яз. с параллельным русским текстом)
- Державин Г. Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 468 с.
- Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 501 с.
- Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2: Праведники. 416 с.
- Лотман Ю. М., Минц З. Г.* «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Блоковский сборник: Тр. науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту: Изд-во ТГУ, 1964. С. 98–156.
- Львов Н. А.* Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. и со вступ. ст. В. М. Беляева. М.: Музгиз, 1955.
- Львов Н. А.* Песня для цыганской пляски // Львов Н. А. Избр. соч. Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский Дом; Рус. христиан. гум. ин-т; Изд-во «Акрополь», 1994. С. 58–60.
- Махотина И. Ю.* Цыгане и русская культура: литература и фольклор: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 20 с.
- Мурьянов М. Ф.* Пушкин и цыгане // Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия. М.: Наследие, 1999. С. 399–415.
- Никитин И. С.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 614 с.
- Пальм А. И.* Цыганке // Поэты-петрашевцы. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 109–110.
- Полежаев А. И.* Кальян: Стихотворения А. Полежаева. М.: Тип. Лазаревых Института Восточных языков, 1833. 144 с.
- Полонский Я. П.* Полн. собр. стихотворений. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1896. Т. 1. 480 с.
- Приходько И. С.* Пушкинская дикая краса у Александра Блока («Прискакала дикой степью...») // Philologica. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 170–179.
- Проскурин О.* Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги (Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания) // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 165–183.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 1, 2; 1960. Т. 3, 4.
- Ростопчина Е. П.* Талисман: Избранная лирика. Нелюдимка (драма). М.: Моск. рабочий, 1987. 319 с.

- Степанов А. Г. Цыганское как русское в книге «Версты» (стихотворения 1917–1920 годов) // Добро и зло в мире Марины Цветаевой: Сб. докл. XIV Междунар. науч.-тем. конф. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 304–321.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1979. Т. 3. 526 с.
- Шевырев С. П. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1939. 239 с.
- Щербакова Т. А. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М.: Музыка, 1984. 175 с.
- Щукин В. Цыганка и гусар: о «венгерском» культурно-мифическом фоне в русской классической литературе // *Studia Slavica Hungarica*. 1999. № 44 (1–2). С. 55–70.
- Языков Н. М. Стихотворения Н. М. Языкова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. Т. 2. 303 с.
- Яковлев Н. В. К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1923. Вып. 36. С. 63–70.
- Baldensperger F. L'entrée pathétique des tziganes dans les lettres occidentales. *Revue de littérature compare*, 1938, t. 18, p. 587–603.
- Baudelaire Ch. Les Fleurs Du Mal. Boston, David R. Godine Publ., 1982, 365 p.
- Clare J. Poems. London: Paul Farley Faber, 2007. 127 p.
- Courthiade M., Djuric R. Les Roms dans les belles-lettres européennes. Paris, L'Harmattan, 2004, 192 p.
- Fucikova M. Les images des Tsiganes dans la littérature française du 19ème siècle. Les origines d'un mythe. *Etudes Tsiganes*, 2006, no. 25, p. 10–36.
- Garrett J. The Unaccountable “Knot” of Wordsworth’s “Gipsies”. *Studies in English Literature. 1500–1900*, Autumn, 2000, vol. 40, no. 4: The Nineteenth Century, p. 603–620.
- Gautier Th. Voyage en Russie. Paris, Nouvelle édition. Bibliothèque Charpentier, 1912, 418 p.
- Goethes J. W. Werke. “Hamburger Ausgabe”. In 14 Bänden. München, C. H. Beck, 2005, Bd. 4: Dramatische Dichtungen, 686 S.
- Grellmann H. M. G. Histoire des Bohémiens, ou tableau des moeurs, usages et coutumes de ce peuple nomade; suivie de recherches historiques sur leur origine, leur langage et leur premiere apparition en Europe. Paris, Chaumerot, 1810, 366 p.
- Houghton-Walker S. Representations of the Gypsy in the Romantic Period. Oxford, Oxford University Press, 2014, 304 p.
- Hugo V. Œuvres complètes de Victor Hugo en 45 vol. Paris; Librairie Ollendorf, 1904, vol. 1. Notre-Dame de Paris, 1904. 493 p.
- Leblon B. Le regard ambigu de la littérature espagnole. *Etudes Tsiganes*, 1997, no. 09, p. 95–106.
- Mérimée P. Carmen. In: *Revue des Deux Mondes* Paris, Beaux-arts, 1845, t. 12, p. 5–48.
- Moussa S. (éd.). Le Mythe des Bohémiens dans la littérature et les arts en Europe. Paris, l'Harmattan, 2008, 388 p.
- Nora E. D. Gypsies and the British Imagination, 1807–1930. Princeton, Columbia University Press, 2008, 240 p.
- Rouart M. F. Image du Tsigane à travers la littérature romantique. *Etudes Tsiganes*, 1982, no. 03, p. 19–38.
- Wilder J. Dark Wanderers: Gypsies in nineteenth-century British Poetry: A Dissertation Submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy. Athens, Georgia, 2004, 222 p.

Wordsworth W. The Poetical Works of William Wordsworth. London, Moxon, 1849. 496 p.

V. V. Maroshi

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
maroshi@mail.ru

**People of fire:
To the symbolism of the Gypsy myth in Russian
and European literature of the 19th century**

The paper puts forward the problem of “Gypsy myth” in Russian and foreign literary criticism. The focus is on the symbolism of fire, expressing passion and aesthetic experience, especially ecstasy and inspiration. In literary works, this symbolism is manifested through the set of fire metaphors, the lighting of Gypsy campfire, smoking, burning coal, in some details of the Gypsy woman portrait such as “fiery eyes.” In Russian literature, the first fire symbols became relevant at the beginning of the 19th century as an attempt to show the expression of Gypsy dances and singing. It was associated with Bacchus cult, influenced by two factors: the interest of Russian poets in the mythology of Bacchus during that period and the popularity of the Gypsy choirs in the noble class. By the early 1840s, the type of Gypsy woman character as passionate mistress with fiery eyes and heartbreaking manner of singing became a verbal pattern to follow. Her love was free, but fatal. By the beginning of the second half of the 19th century this motif complex was embodied in Russian realistic prose in two stories of I. Turgenev and N. Leskov’s tale “Enchanted wanderer.” They used the same romantic stereotypes. Burning Gypsy campfire in the darkness or light of a big fire and its symbolic effects were significant for the German, British, and French literature. In French poetry, Baudelaire and Gautier were attracted by fiery eyes of Gypsy woman. The image was complemented by the “smoking effect” of Gypsy woman in “Carmen” by Mérimée.

Keywords: Gypsies, Russian literature, European literature, indigenous peoples, myth, symbolism, fire, passion.

DOI 10.17223/18137083/68/5

References

- Apukhtin A. N. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. Leningrad, Sov. pisatel’, 1991, 448 p.
- Baldensperger F. L’entrée pathétique des tziganes dans les lettres occidentales. *Revue de littérature comparée*. 1938, vol. 18, pp. 587–603.
- Baudelaire Ch. *Les fleurs du mal*. Boston, David R. Godine Publ., 1982, 365 p.
- Belinski V. G. *Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. Vol. 7: Stat’i i retsenzii 1843 goda. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat’i 1–11* [Complete works in 13 vols. Papers and reviews of 1843. Works of Alexander Pushkin. Papers 1–11]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 739 p.
- Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 6 t. T. 1: Stikhotvoreniya, 1888–1952. Perevody* [Selected works in 6 vols. Vol. 1. Poems, 1888–1952; Translations]. Moscow, Khudozh. lit., 1987, 687 p.
- Clare J. *Poems*. London, Paul Farley Faber, 2007, 127 p.
- Courthiade M., Djuric R. *Les Roms dans les belles-lettres européennes*. Paris, L’Harmattan, 2004, 192 p.
- Derzhavin G. R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sov. pisatel’, 1957, 468 p.
- Dmitriyev I. I. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. Leningrad, Sov. pisatel’, 1967, 501 p.
- Fucikova M. Les images des Tsiganes dans la littérature française du 19ème siècle. Les origines d’un mythe. *Etudes Tsiganes*. 2006, no. 25, pp. 10–36.
- Garrett J. The Unaccountable “Knot” of Wordsworth’s “Gypsies”. *Studies in English Literature. 1500–1900.*, vol. 40, no. 4: *The nineteenth century*. Autumn, 2000, pp. 603–620.
- Gautier Th. *Voyage en Russie*. Paris, Nouvelle édition. Bibliothèque Charpentier, 1912, 418 p.

- Goethes J. W. Werke. “*Hamburger Ausgabe*”: In 14 Bänden. München, C. H. Beck, 2005, Bd. 4, Dramatische Dichtungen, 686 p.
- Golitsyna V. N. Tsyganskaya tema v tvorchestve M. Tsvetaevoy i nekotoryye voprosy pushkinskoy traditsii [Gypsy theme in the works of M. Tsvetaeva and some questions of Pushkin tradition]. In: *Problemy sovremennogo pushkinovedeniya. Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of modern Pushkin studies. Interuniv. coll. of sci. art.]. Leningrad, LSPI, 1986, pp. 90–99.
- Gor’kiy M. *Poln. sobr. soch.: V 25 t. T. 1: Rasskazy, ocherki, nabroski, stikhi (1885–1894)* [Complete works in 25 vols. Vol. 1. Stories, essays, sketches, poems. (1885–1894)]. Moscow, Nauka, 1968, 595 p.
- Got’ye T. *Emali i kamei: Sbornik* [Enamels and cameos]. Moscow, Raduga, 1989, 368 p. (In French with parallel text in Russian).
- Grellmann H. M. G. *Histoire des Bohémiens, ou tableau des moeurs, usages et coutumes de ce peuple nomade; suivie de recherches historiques sur leur origine, leur langage et leur premiere apparition en Europe.* Paris, Chaumerot, 1810, 366 p.
- Houghton-Walker S. *Representations of the Gypsy in the Romantic period.* Oxford, Oxford University Press, 2014, 304 p.
- Hugo V. *Œuvres complètes de Victor Hugo en 45 vols.* Paris, Librairie Ollendorf, 1904, vol. 1. Notre-Dame de Paris, 1904, 493 p.
- Leblon B. Le regard ambigu de la littérature espagnole. *Etudes Tsiganes.* 1997, no. 9, pp. 95–106.
- Le Mythe des Bohémiens dans la littérature et les arts en Europe.* S. Moussa (Ed.). Paris, l’Harmattan, 2008, 388 p.
- Leskov N. S. *Sobr. soch.: V 12 t. T. 2: Pravedniki* [Selected works: In 12 vols. Vol. 2. Saints]. Moscow, Pravda, 1989, 416 p.
- Lotman Yu. M., Mints Z. G. “Chelovek prirody” v russkoy literature 19 veka i “tsyganskaya tema” u Bloka [“Man of nature” in the Russian literature of the 19th century and “gypsy theme” by Blok]. In: *Blokovskiy sbornik: Tr. nauch. konf., posvyashch. izucheniyu zhizni i tvorchestvu A. A. Bloka, may 1962 g.* [Blok’s collection: Tr. scientific. conf. devoted to the study of life and work of A. A. Blok, May 1962]. Tartu, TSU, 1964, pp. 98–156.
- L’vov N. A. *Sobraniye narodnykh russkikh pesen s ikh golosami na muzyku polozhil Ivan Prach* [Collection of folk Russian songs with their voices on the music put by Ivan Prach]. V. M. Belyaev (Ed., intr.). Moscow, Muzgiz, 1955.
- L’vov N. A. *Pesnya dlya tsyganskoy plyaski* [A song for Gypsy dancing]. In: L’vov N. A. *Izbr. Soch.* [Selected works]. Cologne, Weimar; Vienna, Belau-Ferlag; St. Petersburg, Pushkin House, Russian Christian Humanitarian Institute; “Akropol” Publ., 1994 pp. 58–60.
- Makhotina I. Yu. *Tsygane i russkaya kul’tura: literatura i fol’klor* [Gypsies and Russian culture literature and culture]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tver’, 2012, 20 p.
- Mérimée P. *Carmen. Revue des Deux Mondes.* Paris, Beaux-arts, 1845, vol. 12, pp. 5–48.
- Mur’yanov M. F. Pushkin i tsygane [Pushkin and gypsies]. In: Mur’yanov M. F. *Pushkin i Germaniya* [Pushkin and Germany]. Moscow, Naslediye, 1999, pp. 399–415.
- Nikitin I. S. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel’, 1965, 614 p.
- Nora E. D. *Gypsies and the British imagination, 1807–1930.* Princeton, Columbia University Press, 2008, 240 p.
- Pal’m A. I. Tsyganke [To a gypsy woman]. In: *Poety-petrashevtsy* [Poets of Petrashevskiy]. Leningrad, Sov. pisatel’, 1957, pp. 109–110.
- Polezhayev A. I. *Kal’yan: Stikhotvoreniya A. Polezhayeva* [Kalyan: Poems of A. Polezhaev]. Moscow, Tip. Lazarevykh Instituta Vostochnykh yazykov, 1833, 144 p.
- Polonskiy Ya. P. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Complete poems]. St. Petersburg, A. F. Marks Publ., 1896, vol. 1, 480 p.
- Prikhod’ko I. S. Pushkinskaya dikaya krasa u Aleksandra Bloka (“Priskakala dikoy step’yu...”) [Pushkin’s wild beauty in Alexander Blok’s works (“Rode the wild steppe...”)]. *Philologica.* 1994, vol. 1, no. 1/2, pp. 170–179.
- Proskurin O. Russkiy poet, nemetskiy uchenyy i bessarabskiye brodyagi (Chto Pushkin znal o tsyganakh i pochemu skryl ot chitateley svoi poznaniya) [Russian poet, German scientist and Bessarabian tramps (What Pushkin knew about the Gypsies and why he hid his knowledge from his readers)]. *New Literary Observer.* 2013, no. 123, pp. 165–183.
- Pushkin A. S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Selected works in 10 vols]. Moscow, 1959, vols 1, 2; 1960, vols 3, 4.

- Rostopchina E. P. *Talisman: Izbrannaya lirika. Nelyudimka (drama)* [Talisman: Selected lyrics. Loner (drama)]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1987, 319 c.
- Rouart M. F. Image du Tsigane à travers la littérature romantique. *Etudes Tsiganes*. 1982, no. 3, pp. 19–38.
- Stepanov A. G. Tsyganskoye kak russkoye v knige “Versty” (stikhotvoreniya 1917–1920 godov) [Gypsy as a Russian in the book “Versty” (Poems of 1917–1920)]. In: *Dobro i zlo v mire Mariny Tsvetaevoy: Sb. dokl. 14 Mezhdunar. nauch.-tem. konf.* [Good and evil in the world by Marina Tsvetaeva: Collection of reports of 14th International scientific conf.]. Moscow, Marina Tsvetaeva House Museum, 2007, pp. 304–321 .
- Shevryev S. P. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1939, 239 p.
- Shcherbakova T. A. *Tsyganskoye muzykal'noye ispolnitel'stvo i tvorchestvo v Rossii* [Gypsy musical performance and creative work in Russia]. Moscow, Muzyka, 1984, 175 p.
- Shchukin V. Tsyganka i gusar: o “vengerskom” kul'turno-mificheskom fone v russkoy klassicheskoy literature [Gypsy and hussar: about the “Hungarian” cultural and mythical background in Russian classical literature]. *Studia Slavica Hungarica*. 1999, no. 44 (1–2), pp. 55–70.
- Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters in 30 vols]. Moscow, Nauka, 1979, vol. 3, 526 p.
- Wilder J. *Dark Wanderers: Gypsies in nineteenth-century British Poetry*. A dissertation submitted to the graduate faculty of the University of Georgia in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. Athens, Georgia, 2004, 222 p.
- Wordsworth W. *The poetical works of William Wordsworth*. London, Moxon, 1849, 496 p.
- Yakovlev N. V. K voprosu ob angliyskikh istochnikakh stikhotvoreniya Pushkina “Tsygany” (“Nad lesistymi bregami...”) [English sources of Pushkin's poem “Gypsies” (“Over the wooded banks...”)]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya* [Pushkin and his contemporaries: Materials and studies]. Commission for the publication of the works of Pushkin at the Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. Petrograd, 1923, iss. 36, pp. 63–70.
- Yazykov N. M. *Stikhotvoreniya N. M. Yazykova* [Poems of N. M. Yazykov]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1858, vol. 2, 303 p.